

В.Л.РОЙКИН о Польше

(запись 27.04.92 г.)

- я должен сказать, что это было достаточно давно, и мне сейчас довольно трудно восстанавливать.

Наша брошюра, за которую мы сели, называлась "От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата". И хотя время пребывания в лагере мы, что ли, отказались от столь жесткого следования терминологии, в общем считали, и я до сих пор считаю, что самым серьезным гарантом демократии в любой стране может быть только рабочее движение. Это та сила, которую КГБ просто не может никуда упрятать. Если всех интеллигентов упрут, эта страна просто не заметит. Ну, не будут писать, будут печатать Толстого или еще кого-нибудь, Агату Кристи. А с рабочим движением - гораздо серьезнее. Вот поэтому польские события для меня лично были подтверждением моей точки зрения о том, что рабочий класс, его движение - это и гарантия демократии, и основной двигатель прогресса в данном случае. К тому времени я уже поставил под серьезное сомнение возможность реализации социализма, по крайней мере, на этом этапе экономического развития страны - не только слабо развитых России и Польши, но и более высокоразвитых стран. Но это отдельный разговор. Во всяком случае, было совершенно ясно, что если рабочие в Советском Союзе и в странах социализма не являются продавцами рабочей силы (в чем нас обвиняли следователи - в таком заявлении), то только потому, что труд у них отнят безвозмездно, используя внеэкономические методы давления. В частности, в России это был закон о тунеядстве, это использование заключенных, использование под страхом пытки уголовного наказания солдат стройбатов, которые не могли отказатьсь; студентов под страхом отчисления из института и т.д. На предприятиях рабочие были лишены права продавки своей рабочей силы по своей цене, потому что забастовки были кriminalны и т.д. А безусловно, рабочий класс заинтересован в том, чтобы продавать свою рабочую силу на наиболее выгодных для себя

условиях. И это, в первую очередь, связано с существованием демократии, газет, которые за него выступают, профсоюзов, которых он сможет организовать. Поэтому хотя существовала и сейчас еще существует теория, что рабочий класс разъединен и т.д. и т.п. — особенно Зиновьев преуспел в этой теории: поскольку при социализме можно плохо работать, рабочий класс целиком за социализм. Кольские события показали, как классические события в более передовых странах Запада, скажем, чартистское движение в Англии и т.п., что рабочий класс добивается тех же требований и может быть, естественно, основным гарантом существования демократии.

Роман: Да, в определенном смысле, действительно, в Польше свершилось то, о чем мы мечтали. Но в определенном. Потому что мы, когда еще говорили о рабочем движении в 1965 году, считали, что возможна и коллективная собственность рабочих, хотя мы были сторонниками усиления товарных отношений и т.д., но мы считали, что должна быть коллективная собственность рабочих на средства производства, не до конца предумышленная... Ну, вот такой интересный факт: сегодня мы становимся коллективными собственниками завода и будем коллективно эксплуатировать того, кто придет на завод годом позже приватизации. Потому что зарплата наша будет все пониженной, с учетом того, что мы получать дивидентов не будем...

— А когда вы первый раз услышали об этом? И какой была реакция?

— Вот этого я сейчас не помню. Очень может быть, что об этом впервые я прочитал в советской прессе. Дело в том, что вообще достаточно грамотный человек к тому времени мог читать советскую прессу так же, как слушать "Голос Америки", — там все всегда было написано, если напрячь воображение. Частично источником информации были, конечно, и голоса. Но наша пресса достаточно подробно обо всем информировала.

— Согласен о польских событиях Вам знаком?

— Гораздо позже он мне встретился. У меня до сих пор висит фотография, на которой Ян Валенса и кто-то из главных представителей властей подписывают договор.

До нас доходили еще разные такие разноголосистые какие-то материалы, даже опубликованные здесь, переведенные наполовину в смишанате, наполовину в пересказе, — Ленека Колаковского, если не ошибаюсь. Мы были немножко знакомы. Это имя нам чего-то говорило, хотя я не помню сейчас, что именно. Образование КОС КОРа вкладывалось в наши взгляды целиком: если говорить о классовой борьбе (а я до сих пор считаю, что эта теория сродни где-то закону всемирного тяготения, никаку от нее не дезавуируется), Это вызвало положительные эмоции: в общем система эта рушится. И страх за поляков.

— Страх?

— Да. Потому что по нашей же прессе было видно, что наши гвардейцы не останавливаются ни перед чем. И если они Чехословакию скрутили, то что им Польша?.. Мы понимали при этом, что поляки, в отличие от чехов, литература — ведь серьезная, и у чехов есть что-то от Швейка, о них можно подумать и сказать, что они будут валить дурака, но все-таки за оружие не возьмутся), поляки ходили с саблями на гитлеровские танки. И было *если бы касалась Советского Союза, то Польши*, совершенно ясно, что надо будет стирать с лица земли. Мы знаем сопротивление во время войны. И это было очень странно. С другой стороны, мы думали, что эти власти тоже способны оценить, во что это выльется. Поэтому переворот Ярузельского наши были восприняты двояко. С одной стороны, конечно, там была и кровь, и подавление. Но с другой стороны, даже по нашей прессе было видно, что там остается отдушка, *но не для решения всех вопросов, а для дальнейшего развития*. Во всяком случае, тогда, по тем материалам, которые у меня были, безусловного осуждения Ярузельского у меня не было.

А последняя встреча с польским движением была совсем недавно. Это было в Москве, на квартире у Ларисы Ногораз я встретился с Михником. Когда мы говорили... В общем, по тем временам мы могли быть в одной группе, мы близкого возраста. И начинали почти параллельно.

— О чём говорили? Что за человек?

— Он произвел очень приятное впечатление. Он сказал: я боюсь приводить другому человеку, был общий разговор за столом, бутылка вина, кофе). Мы отправлялись на лекцию, которую должен был читать ... Вайда, там же выступил и Михник — о польских событиях уже перестроечного времени, о том, что происходит в Польше после того, как прогнали Ярузельского, разогнали ПОРП и т.д. В официальном зале... Нормально вспоминали старое, немного говорили о новом. Он никак не мог освоиться, что он ходит по Москве без наручников (смеется), что он сидит у Ларисы, и никто не приходит нас забирать, что это неестественно. Мы хотели, потому что все мы были шокированы тем, что нас не забирают. Нормально, когда нас забирают (хочется). Это какое-то извращение, когда нам дают здание, чего-то выступать будем, никто не забирает...

— А его забирали в Москве?

— В Москве — нет, его там забирали. Вот. И так он сказал: и идея класса, и идеи нации, понятая вне контекста, как бы всей остальной культуры, они приводят к тоталитарному режиму, безразлично, с какого конца она начинается, они приводят к одному и тому же. Потому что человек — существо достаточно многогранное, и ни его классовым, ни национальным характером он весь не исчерпывается. Понятия аппелировать только к одной его стороне приводят к плоскости. С чего бы не начинать? Тогда, в 80-е, я ни с кем из польков не встречался. После лагеря я жил в Дуге. И при всем том, что это недалеко от Ленинграда, это здорово отрезало меня от всего, я мог здесь бывать только по воскресеньям, я работал. Они видели, что делали, когда не давали в столицу возвращаться.

— Вам известны какие-нибудь акции в поддержку польской революции 1980-го года?

— Я знаю, что Толя Марченко, его обыск и арест были спровоцированы его открытым письмом в поддержку "Солидарности". Но это у Ларисы лучше узнать. Это я узнал не от нее, а уже потом.

В Ленинграде я не знаю никаких таких случаев, но литература была, она ходила, и довольно интересная литература.

- А как Вы думаете, можно было тогда организовать движение, могло возникнуть движение поддержки польской революции?

- Думаю, что нет. Дело в том, что у каждого человека свои пределы счёлости. Один человек из костер идет, другой выговора боится. Вот вследствие движения 1965 года резко обрубился 1968 годом, когда многие люди поняли, что если уж они сокрали Чехословакию, то у нас сокрут тоже. У Салтикова-Щедрина это есть: российские власти всегда смотрели, что скажет история и что скажут просвещенные европейцы. Ну вот историю, им казалось, что они пишут сами. А после чешских событий они поняли, что просвещенные европейцы о них все равно ничего хорошего не скажут. И тогда началась резкая закрутика. Но это уже другая тема. И массовых профсоюзов у нас даже сейчас ... не удается сделать.

- А почему?

- Потому? по многим причинам. Одна из которых - страх перед начальником. Человек боится начальника. Он может позволить себе активность на митинге, он может выступить и против власти. Даже в 1965 году выступить против режима в целом, против партии было менее опасно, чем выступить против начальника цеха, как это ни странно. Да, меня посыпали в лагерь, меня там поили и избили, и я был лицом заботы. А здесь - это и безработица, и т.д., и т.п., и отпуск всегда зимой - у них сосредоточена огромная власть. Это раз. И во-вторых, индивидуальное отношение рабочих к некоторым другим группам! "Вот когда я увижу, что рабочий класс - сила, я перейду на его сторону"... Страна не должна рассчитывать на героев, героев мало, с ними легко справиться.

- Какой была реакция у рабочих на события в Польше?

- Разная. Я достаточно близко общался с рабочими, я даже, кажется, тогда рабочим и был, я слесарем работал. С одной стороны: чего они,

полки, бунтуют? Мы их освободили, а они чего-то бунтуют. С другой: все же — тоже рабочие, и это чувствовалось."Там рабочие бунтуют."Одни человек за беседу мог высказывать разные мнения. Когда началась культурная революция в Китае, мой лагерный начальник сказал: "А что, мао Цзе Дун не прав? Он этих толстозадых из папин повысаживал и в колхоз отправил..." Он точно так же не любил этих толстозадых, которых он охранял. Поэтому, когда речь шла о "толстозадых", они все были в общем "за", а когда дело касалось поляков — по-разному. Шовинистические настроения не преобладали. Как ни странно, шовинистические и вообще настроения ленинские, они распространены в среде инового, рядового ИР, а не рабочих. даже не совсем ИР, а конторской пузери. Она гораздо более подка на такие оценки и заявления, чем рабочие. Давно-давно мне сказала моя мама: она где-то прочитала, что сначала самой реакционной, а потом — самой революционной группой были телеграфисты. Люди, которые считали себя интеллигентной, но таковой не были.

Вот простой пример. У меня был приятель-рабочий, который меня опекал все три года моей ссылки. Он мне находил где-то халтуру, чтобы я мог подзаработать. Он смотрел, чтобы я брался за более тонкий конец бревна, помогал мне лить копать. У меня с ним были очень хорошие отношения, он был гораздо старше меня. Он все вычитывал у меня, чего я сел, все никак ему не понятно было, какую я выгоду с этого имел. Я говорил: мы хотели справедливости. А он: ви что думаете, что кроме вас, этого никто не знал, — это же всем известно. Был один очень интересный разговор с ним. Он где-то когда-то был на лекции по биологии (как он понял на эту лекцию, зачем — не знаю). Читала ее какая-то учительница. Там шла речь о возникновении жизни. Ну, и хрестоматийный средневековой пример приводился: "Иими зарождаются в корvine с гризным бельем". Сами по себе. Этот пример во всех учебниках приводится: будь то биография Частера, или еще кого-нибудь, он всегда приводится со ссылкой на средневекового автора.

И вот он, перекутан, искренно "не доказывал, что "мы зарождаются в корзине с грязным бельем", что он сам это слышал на лекции. И это переходило, это бытовало в других формах. "Это до революции вы, интеллигенты, могли несбутить, а сейчас мы грамотные все, мы знаем, как мы зарождаются..." Он считал себя грамотным. А-то по-настоящему с рабочими столкнулся, когда в сенаке был, а тут я был плютиком. Вот такая уверенность, вдолбленная хитро властями, что ты, мол, и сам все знаешь. Если Крупская открывала школу, куда все шли учиться, узнавали там, что Земля вокруг Солнца вращается и т.д., то теперь им кажется, что они и так все знают. Они не верят газетам...

- Это, наверно по-всему, всем кажется.

- Это всем так кажется. Особенно извозчик ИГР. Они к рабочим относятся с презрением. Они очень легко настраиваются любой пропагандой. Особенно печатной. (Вот тут в газете "Рейтинг" моя статейка вышла. Газета при социологическом институте. Алексеев и вся эта компания. Интерпретация и анализ фактов, социологические опросы...)

- Вам тогда не казалось, что поляки дают вам фору?

- Конечно, было досадно. Но опять же по многим причинам этого и следовало ожидать. Но лагерь у нас этого не было, а вот в лагере мы поняли, что мы недооценили национальный вопрос, для нас его просто не существовало, когда мы писали свою книгу. Кстати, как и для Горбачева. Вот интересно, что наша бронюра и наши споры повторяют первые шаги Горбачева. Мы приблизительно ровесники. И он пытался волютить в жизнь то, о чем мы думали в середине 60-х годов. СТК и прочее - обо всем мы тоже думали и говорили. И точно такое же отношение к национальному вопросу: если я встречу националиста, я его в течение пяти минут спогу переубедить. И только в лагере мы поняли, насколько это серьезно. И второе. В Польше было католичество. Папа Римский сидел не в Варшаве, а в Ватикане. И поэтому церковь там могла быть более-менее независима

от государства. Мало того, что московский патриарх сидел в Москве, а перед этим, вполне возможно, окончил школу КГБ, — само по себе православие принципиально связано с государственными границами. Esta религия и это государство почти совпадающие. Вот Веки Иоффе как-то сделали интересное замечание: две тысячи лет назад возникло христианство, и потом оно разделилось на восточное православие и западный сначала католицизм, а потом и протестантизм; потом возник марксизм, и он точно по той же границе разделился на большевизм и социал-демократию. Вот с румынами никогда никаких трений не было, болгары всегда были нашими лучшими друзьями; в Греции фактически американцы подавили коммунистическую революцию. А с Прибалтами — вот хоть ты убей — все в речи трения, не считали они это своим, и все тут. На Украине считали, в Грузии считали, а прибалты — чужое тело, венгры — чужое тело. Поляки — тоже чужое тело. Очевидно, есть какие-то инварианты, как говорят физики, которые при смене систем остаются прежними.

Герцен? Ну, уже к этому времени история России делалась и в Польше, и в Чехословакии, и в Прибалтике. Даже Чехословакия была более ранней, а первый синдром был венгерский синдром.

Еще студентом, до возникновения нашей группы, в период общих разговоров, в определенной степени лояльных, я написал к 7-му ноября такой стишок:

Гремели замы, зарево пожаров
Багрово освещало небесвод,
И верилось, что над планетой старой
Встает невиданный восход.
Но день настал, и из смылись надежды.
Вновь грохот залпов и пожаров гарь.
И свой закон искалъя (?) в Будапеште
Штыками утверждает Русь, как встарь.

Это стихотворение 1956 года, его я читал тому другу. Вот приблизительно такие настроения были связаны с Венгрией. Хотя советская пресса говорила, что там вожают и т.д., и т.п., но дело в том, что в той же советской прессе просачивало то, что делалось при Ракоши. Кстати, попытки в Венгрии были даже изощреннее наших. Есть у венгров что-то национальное в характерах, потому что я говорил в лагерях с западными украинцами, которые были под венграми, поляками, чехами, советскими, польщиками. Они говорят, что самые благоприятные условия были австрийские и чешские, а самое страшное — даже не советская, а венгерская оккупация, они о ней вспоминают с ужасом. Очевидно, что-то в культуре есть, что позволяет людям вести себя достаточно жестоко. ^{Но} Ниже Мостцову приводится такая фраза (его ранние годы посадили): "Армия развалилась, а КГБ ковыс в воздухе". Поэтому выделения Польши из всего этого уже не было. Промелькнул 1956 год — Берлинское восстание, еще я не очень понимал, потом я об этом вспомнил. Потом события в Венгрии, Чехословакии, разговоры в лагерях, с прибалтиками, с западными украинцами. К Польше мы были готовы, знали, что будет следующее, видели, что в общем — разваливается вся эта система, хотя мы не предполагали, что она развалится так быстро.

— Должно ли говорить о положительном опыте Польши для России?

— Безусловно. В какой-то степени, я думаю, шахтерские стачки, сыграли огромную роль, те, кто ими руководил, находились под очень большим влиянием. Когда Горбачев первый раз хотел повернуть направо, вдруг прошли первые шахтерские забастовки. думал, что для них опыт польской "Солидарности" значил очень много. Некоторые элементы сошлись, сработали, — чувствовалось это.